

УДК 343.1

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕЮДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.Ю. Епихин, Б.Р. Бурганов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В работе обращено внимание на необходимость изучения и разрешения актуальных проблем реализации института преюдиции в уголовном судопроизводстве с учётом решений межотраслевых судебных процессов с новых методологических, а именно системно-институциональных, позиций. Авторы дают определение института преюдиции, выделяя его основные свойства, такие как наличие фактических и номинальных носителей; специфичность взаимоотношений участников суда, регламентируемых правовой нормой; период действия; прозрачность преюдициальных прав участников различных судопроизводств; степень формализации института преюдиции и закреплённость преюдиции в составе нормативно-законодательной базы; использование механизма непосредственного контроля за соблюдением преюдициальных норм. В статье показаны отличительные параметры взаимосвязи институциональных отношений в процессе доказывания обстоятельств в различных судопроизводствах. Рассмотрено преюдицирование правоотношений (приговора по уголовному делу) в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах, с одной стороны, и преюдицирование правоотношений, возникших в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, на уголовное дело – с другой.

Ключевые слова: институт преюдиции, межотраслевой институт преюдиции, правовые отношения, правовая оценка, уголовное дело, приговор, уголовный процесс

Исследование межотраслевых проблем правового регулирования преюдиции имеет важное научное и практическое значение в процессе принятия законных, обоснованных и справедливых судебных решений, учитывающих результаты деятельности других отраслевых судопроизводств. В научных исследованиях в основе содержательного определения термина *преюдиция* лежит прежде всего латинское *praejudicium* – предрешение вопроса, заранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о последствиях¹.

Толкование понятия *преюдиция* неоднозначное и широкое, что влияет на уровень разработанности научных исследований, вызывает многочисленные споры в законотворческой деятельности, может ввести в заблуждение в правоприменительной деятельности участников судебного разбирательства. В частности,

¹ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=35416>

до сих пор отсутствуют в достаточной мере фундаментальные научные исследования, связанные с рассмотрением преюдиции на уровне докторских диссертаций. Всеми ветвями власти отмечается, что в уголовно-правовой политике страны накопилась масса противоречий и непоследовательности, что законодательство в этой сфере утратило системность и нуждается в тщательной криминологической экспертизе (см. [1–2; 3, с. 75]). Иными словами, в современных условиях назрела острая необходимость использования новых теоретико-методологических подходов к изучению различных, в том числе межотраслевых, аспектов проявления преюдиции.

В юридической литературе по вопросу о необходимости применения межотраслевой преюдиции мнения учёных диаметрально расходятся. В основу полноты мнений положены различия процесса доказывания в арбитражном, гражданском, административном и уголовном процессах: одни с осторожностью относятся к применению института межотраслевой преюдиции (см., например, [4, с. 64]), другие его действие оценивают отрицательно (см., например, [5, с. 22]). Так, по мнению Г.Я. Борисевич, у следователей, дознавателей, прокуроров, судей не осталось возможности преодолеть преюдициальную силу вступивших в законную силу судебных решений (в том числе и в сфере уголовного судопроизводства), несмотря на то что в ряде случаев к тому могли быть реальные основания. Содержание ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) пришло в противоречие с принципом свободы оценки доказательств правоприменителями [6, с. 344]. Вместе с тем, на наш взгляд, системно-институциональный подход к рассмотрению преюдиции позволяет ограничить либо вовсе снять правовую напряжённость при её применении [7–8].

Понятие *институт преюдиции* активно используется в научных исследованиях и в правоприменении, однако значение его до сих пор не закреплено. Учитывая научную и практическую важность термина, на наш взгляд, целесообразно включить институт преюдиции в содержание ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» гл. 1 «Уголовно-процессуальное законодательство» УПК РФ путём дополнения нового пункта. *Преюдиция*, как нам представляется, может быть обозначена как *институт права, регулирующий уголовно-процессуальные отношения в судебном процессе, связанные с ранее установленными в суде обстоятельствами и их правовой оценкой и возникающими в результате вступления приговора в законную силу*.

Известно, что нередко одно и то же обстоятельство имеет значение одновременно для нескольких (уголовных, гражданских, административных, арбитражных) правоотношений, возникающих в процессе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Соответственно, может возникнуть проблема определения содержательной стороны другого понятия – *институт межотраслевой преюдиции*, под которым нами предлагается понимать *систему правоотношений, возникающих в процессе доказывания обстоятельств в рамках взаимосвязи актов уголовного, гражданского, арбитражного, административного судопроизводства при тех же участниках судебного процесса*.

Обратимся к типичному примеру, из которого видно, что неверное применение (неприменение) института преюдиции приводит к изменению приговора.

Так, Постановлением исполняющего обязанности мирового судьи судебного участка № 1 по Зеленодольскому судебному району Республики Татарстан Гатиной Ф.Г. от 16 января 2015 г., вступившим в законную силу 27 января 2015 г., по факту того, что Одинаев Р.С. как водитель автомобиля после дорожно-транспортного происшествия, к которому он причастен, употребил спиртные напитки до проведения освидетельствования в целях установления состояния опьянения или до принятия уполномоченным должностным лицом решения об освобождении его от проведения такого освидетельствования, признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), и привлечён к административной ответственности в виде штрафа в размере 30 000 рублей с лишением права управления транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев (ПЗГС). Исполняющим обязанности мирового судьи также сделан вывод о том, что при рассмотрении дела не подтвердились обстоятельства управления указанным лицом автомашиной в нетрезвом состоянии. Таким образом, решением суда, принятым в рамках административного судопроизводства, установлено, что Одинаев Р.С. в нетрезвом состоянии автомашиной не управлял, и данное обстоятельство признаётся судом без дополнительной проверки. Тем самым оснований квалифицировать действия Одинаева Р.С. как совершённые лицом, находящимся в состоянии опьянения, не имеется. При таких обстоятельствах суд счёл необходимым переквалифицировать действия подсудимого с ч. 2 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на ч. 1 ст. 264 УК РФ как нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, о чём просил и государственный обвинитель.

Отметим, что *межотраслевая преюдиция* как системный элемент уголовного процесса должна включать содержательные элементы, свойственные правовому институту. Как представляется, к таким основным свойствам института преюдиции можно отнести следующее:

1) преюдиция как институт права должна иметь своего носителя, он может быть номинальным (судебные инстанции, к которым относится действие данной нормы) и фактическим (участники судебного процесса, реально её использующие);

2) область возникающих взаимоотношений участников суда, регламентируемых правовой нормой (создание механизма института преюдиции), специфична;

3) институт преюдиции как системный процесс имеет определённый временной промежуток правореализации (период действия);

4) институт преюдиции официально закреплён в ст. 90 УПК РФ, но механизм использования преюдиции не имеет чётко определённой конкретизации;

5) преюдициальные права участников различных судопроизводств прозрачны;

6) используется механизм непосредственного контроля над соблюдением преюдициальных норм: прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль.

Межотраслевая взаимосвязь институциональных отношений в процессе доказывания обстоятельств в различных видах судопроизводства происходит по отличительным параметрам:

– *на основе правовой оценки обстоятельств*, то есть проверки соответствия обстоятельств одного дела рассматриваемому делу в другом судопроизводстве. Правовая оценка производится правилами разных отраслевых процессуальных законодательств. При этом участники судопроизводств не исследуют обстоятельства, входящие по общему правилу в предмет доказывания ранее принятого судебного решения. Однако наличие ограничений в их процессуальном поведении вызывает определённый интерес к ранее рассмотренному уголовному делу;

– *на основе установления равновесия законных интересов участников сторон процесса разных судебных дел*, когда задача судьи – «держать весы, равные для обеих сторон» [9, с. 319], то есть разобрать права и требования каждой из сторон и постановить приговор. По мнению Б.Н. Чичерина, приговор постановляется на основании закона: «Судья прилагает закон к факту» [9, с. 320]. В судебных производствах уравниваются интересы отдельных личностей, социальных групп, создаётся универсальная система правового равновесия. Но признание справедливым приговора суда или иного решения является сложным и многоэтапным;

– *на основе теории множественности преступлений*, хотя в действующем уголовном законодательстве термин «множественность» не применяется. Между тем формы проявления множественности раскрываются, например, ст. 17 и 18 УК РФ. Множественность понимается как совершение одним лицом двух и более общественно опасных деяний, каждое из которых оценивается УК РФ как самостоятельное преступление. Это могут быть разнородные или однородные преступления. В данном случае преюдициальные правовые отношения находятся во взаимосвязи с различными правонарушениями. В частности, в действующем российском уголовном законодательстве (1996 г.) административная преюдиция скрыта под видом неоднократности как основания уголовной ответственности в отдельных нормах УК РФ и нашла отражение в ст. 151.1, 154, 178, 180, 264.1 и иных статьях УК РФ, где предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности лица после наложения административного взыскания за совершение тождественного правонарушения [10]. Этот перечень может быть дополнен новым пунктом в ст. 215.4 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное проникновение на охраняемый объект, а именно: «совершённое лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию». Как видно, обнаруживается весьма устойчивая тенденция увеличения административно-преюдициальных составов преступления в УК РФ;

– *на основе необходимости соблюдения единого правового пространства и прозрачности в межотраслевых процессуальных действиях*, поскольку в сфере применения института межотраслевой преюдиции возникают правоотношения, связанные с правовой оценкой обстоятельств различными судебными органами и между сторонами судебного заседания. Созданные правоотношения должны основываться на единстве используемых элементов судопроизводства, то есть в

установленном механизме взаимоотношений. В частности, о необходимости исследования механизма межотраслевых преюдициальных отношений говорится в работе М. Барак-Чайки [11]. Автор отмечает, что несвоевременное исполнение судебных решений создало проблему игнорирования требования ст. 90 УПК РФ. Факт причинения вреда и сумма, установленная как приговором по уголовному делу, так и решениями арбитражных судов, являются преюдициальными.

Кроме того, одно и то же обстоятельство в различных судебных решениях может устанавливаться по-разному. Это может привести к принятию судебных решений, не согласованных между собой, возможно, констатации противоречащих друг другу обстоятельств, что уже несовместимо с правовой определённой. В частности, на эту проблемную ситуацию Конституционный суд Российской Федерации обратил внимание в своём Постановлении от 14 июля 2015 г. № 20-П «по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» (ПКС).

Представляется важным учёт взаимного использования института преюдиции в различных судебных процессах.

1. Преюдицирование правоотношений уголовного дела в гражданском, арбитражном либо административном судопроизводствах, когда приговор суда имеет преюдициальное значение для других судопроизводств (как условное согласование решений уголовного суда другими судами).

Каждый из судов осуществляет свою деятельность в соответствии с отраслевым процессуальным кодексом, в основе этой деятельности лежат конституционные принципы, положения и нормы, одинаково распространяющие своё действие на все суды и процедуры. Вместе с тем участники суда не могут быть одинаково осведомлёнными о нормах уголовного, арбитражного, административного и гражданского отраслей права.

В уголовном процессе в качестве доказательств принимаются результаты оперативно-розыскной деятельности при их процессуальной проверке, но в гражданском, арбитражном, административном процессах это правило не применяется. Стандарты доказывания в различных судопроизводствах разные. В частности, для признания лица виновными в совершении преступления необходимы более веские доказательства.

Основа арбитражного и гражданского процесса – диспозитивность, а уголовного и административного – императивность. По мнению Ю.Е. Салеевой, в методологическом смысле внутриотраслевая преюдиция не нуждается в конкретно-императивной регламентации, поскольку порядок использования приговоров и иных итоговых судебных решений по уголовному делу и их обязательность недвусмысленно вытекают из общих принципов и ключевых презумпций уголовного процесса [12, с. 13]. Однако на принятие любого преюдициального акта могут влиять индивидуальные поведенческие черты судьи.

В механизме реализации института преюдиции в разных судопроизводствах необходим учёт соразмерности публичных и частных интересов. При совершении преступления, имеющего отношение к публичным интересам, государство обязано возместить потерпевшему причинённый вред.

В ст. 90 УПК РФ в её новой редакции утверждается: *Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного в соответствии со статьёй 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.* При буквальном толковании ст. 90 УПК РФ формально можно сделать вывод о том, что преюдициальное значение имеют все судебные решения в рамках гражданского, арбитражного либо административного судопроизводства, в то время как в уголовном судопроизводстве преюдициальностью обладает только приговор суда, да и то с определёнными исключениями. Соответственно, необходимо обратить внимание на анализ итоговых судебных актов. Отметим, что если в уголовном процессе участвуют, как правило, профессиональные представители сторон, то в других видах судопроизводства чаще они отсутствуют. Так, при судебном рассмотрении уголовных дел участвуют адвокаты, а при разборе дел, имеющих общественный резонанс, – группа защитников.

Создание и внедрение основополагающих критериев исследований проводится в условиях ведомственной разобщённости, что порождает различный подход к ним. Например, О.В. Янчуркин, Ж.А. Николаева отмечают, что «при одних и тех же обстоятельствах дела результаты экспертных исследований могут подтвердить как наличие криминалообразующего признака преступления, так и его отсутствие».

Так, согласно используемым лабораториями судебных экспертиз Минюста России методикам, патроны калибра 5,6 мм не относятся к боеприпасам, а в соответствии с рекомендациями для таких же исследований МВД России они являются таковыми» [13, с. 10].

2. Преюдицирование правоотношений, возникших в рамках гражданского, арбитражного либо административного судопроизводства, на уголовное дело.

Проблема межотраслевой преюдиции даже после изменений, внесённых в ст. 90 УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ, по-прежнему остаётся нерешённой. В ряде исследований отмечается, что в уголовном процессе не следует безоговорочно принимать результаты, полученные в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства (см. [14]).

Постоянные изменения и дополнения действующего законодательства неоднозначно отражаются на эффективности реализации института преюдициальных отношений. В частности, Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – согласно ст. 6 путём внесения дополнения в ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) – преюдиция расширена до пределов нотариальной деятельности (457-ФЗ). Соответственно, пункт 5 ст. 61 ГПК РФ сформулирован таким образом: *Обстоятельства, подтверждённые нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа*

не опровергнута в порядке, установленном статьёй 186 настоящего Кодекса, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия. В этой связи возникает вопрос о разноречивости между данной правовой нормой и преюдициальными требованиями. Как известно, решение суда основывается на доказательствах, исследованных и оценённых в установленном процессуальном порядке. Теперь же суд вправе положить в основу решения обстоятельства, самим судом не установленные и не оценённые.

Таким образом, межотраслевые проблемы реализации института преюдиции в уголовном судопроизводстве имеют многоаспектный характер. В процессе применения положений ст. 90 УПК РФ суды должны учитывать принципиальные различия в целях, принципах и гарантиях при осуществлении уголовного судопроизводства, а также в существующей процедуре доказывания и его предмете (ст. 73 УПК РФ). Процесс устранения противоречий (конфликтов) при принятии решений в различных судопроизводствах осуществляется не сам по себе, он действует на основе функционирования соответствующего механизма правового регулирования института преюдиции.

Источники

- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75719/, свободный.
- ПЗГС – Постановление Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 25 февр. 2015 г. по делу № 1-67/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wCfdKH9Vходx/>, свободный.
- КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 янв. 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/, свободный.
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 нояб. 2015 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, свободный.
- ПКС – Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Рос. газ. – 2015. – 27 июля. – № 163.
- 191-ФЗ – Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. – 2015. – 6 июля. – № 145.
- 457-ФЗ – Федеральный закон от 29 дек. 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412290031>, свободный.
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/, свободный.

Литература

1. *Замахина Т.А.* Кодексы на ревизии. Сенаторы хотят пересмотреть уголовную политику // Рос. газ. – 2013. – 19 нояб. – № 6236 (260).
2. *Куликов В.С.* Хорошая посадка. Правоведы предлагают избавить Уголовный кодекс от «резиновых» статей // Рос. газ. – 2014. – 21 марта. – № 6337 (65).
3. *Толкаченко А.А.* Межотраслевые аспекты современной уголовной политики // Рос. правосудие. – 2015. – № 3. – С. 74–81.
4. *Колоколов Н.А.* Преюдиция. Преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценка у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные // Юрист. – 2009. – № 6. – С. 56–65.
5. *Гореликова А.Г.* Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 27 с.
6. *Борисевич Г.Я.* О необходимости реформирования института преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Пятый Пермский конгресс учёных-юристов (г. Пермь, 24–25 окт. 2014 г.): Избр. материалы / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2015. – С. 339–346.
7. *Бурганов Б.Р.* Системно-институциональный подход к решению проблем преюдиции в уголовном процессе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 230–237.
8. *Бурганов Б.Р.* Состояние и проблемы правоприменения правового института преюдиции в уголовном процессе (по данным социологического опроса) // Социология и право. – 2016. – № 1. – С. 128–133.
9. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 ч. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. – Ч. 1. – VIII, 482, III–IV с.
10. *Юнусов А.А., Серкова Т.В.* Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 278–282.
11. *Барах-Чайка М.* Не прокажённые, но неприкасаемые // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 35. – С. 1, 3.
12. *Салеева Ю.Е.* Преюдиция в современном уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2014. – 192 с.
13. *Янчуркин О.В., Николаева Ж.А.* Надзор за исполнением законодательства об экспортной деятельности в ходе предварительного расследования // Законность. – 2015. – № 7. – С. 9–12.
14. *Иванов А.* Несовершенная редакция ст. 90 УПК РФ продолжает оставаться таковой // Нов. адвокат. газ. – URL: <http://www.advgazeta.ru/blog/posts/86>, свободный.

Поступила в редакцию
18.01.16

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: doc@epihin.ru

Бурганов Булат Раисович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: bulat.b-85@mail.ru

**Inter-Branch Challenge of Implementing the Prejudicial Institution
in Modern Russian Criminal Legal Proceedings***A.Yu. Epikhin^{*}, B.R. Burganov^{**}**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: ^{*}doc@epihin.ru, ^{**}bulat.b-85@mail.ru*

Received January 18, 2016

Abstract

Attention is paid in the paper to the need for studying and solving the urgent problems concerning implementation of the prejudicial institution in criminal proceedings based on the decisions of inter-branch legal processes from the point of new methodological, i.e., systemic and institutional positions. The problems associated with the essence and implementation of inter-branch prejudgment are considered. Their potential solving is discussed. In accordance with the aim of this research, the following tasks are set: 1) to reveal the essence of the prejudicial institution; 2) to specify its properties; 3) to find out the peculiarities of mutual influence produced by various legal proceedings based on the prejudgment of court decisions. The study of this kind is for the first time performed in line with the theory of legal institutionalism and the systemic and institutional method for analysis of legal phenomena. As a result, the author's definition of the prejudicial institution is given. Its main properties are described. The forms of prejudgment of the legal relations during criminal proceedings are singled out.

The following major properties of the prejudicial institution are identified: the availability of actual and nominal holders; the specificity in relations between trial participants regulated by legal norm; time of validity; transparency of the prejudicial rights of participants of various legal proceedings; the degree of formalization of the prejudicial institution and securement of prejudgment in the legal and regulatory frameworks; the use of the mechanism of direct control over compliance with the prejudicial norms. The differential parameters of interrelation between the institutional relations when proving the circumstances in different proceedings are shown. Prejudgment of the legal relations (criminal sentences) in civil, arbitration, and administrative legal proceedings, on the one hand, and in criminal legal proceedings, on the other hand, is analyzed. Attention is drawn to the need to establish an efficient mechanism of legal regulation of the prejudicial institution.

The practical importance and value of the work lies in applicability of the results of this study during the process of judicial activity for recognizing the prejudgment of certain inter-branch judicial acts.

Keywords: prejudicial institute, inter-branch prejudicial institute, legal relations, legal evaluation, criminal case, sentence, criminal process

Для цитирования: Епихин А.Ю., Бурганов Б.Р. Межотраслевые проблемы реализации института преюдиции в современном российском уголовном судопроизводстве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 596–604.

For citation: Epikhin A.Yu., Burganov B.R. Inter-branch challenge of implementing the prejudicial institution in modern Russian criminal legal proceedings. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 2, pp. 596–604. (In Russian)